

Крестьянство и власть как «две России»

«Темные массы» и «светлое будущее» отечественной истории

Павел Марченя, Сергей Разин

Сравнительно недавно – на заре прошлого столетия – тот факт, что Россия является страной крестьянской и что именно судьба крестьянства является определяющим фактором в формировании дальнейшего будущего всей России, практически ни у кого не вызывал сомнений. Но сегодня этот и стратегически, и тактически бесспорный некогда посыл уже далеко не столь очевиден. XX в. – вообще оказавшийся особо трагичным в кризисном ритме человечества – бесчеловечным катком истории с исключительной жестокостью и цинизмом индустриальной цивилизации прошелся сразу по нескольким поколениям русских крестьян подряд, поставив под вопрос само их реальное наличие в современном обществе. Однако то, что попавшее под «колеса прогресса» российское крестьянство в значительной мере осталось в прошлом, вовсе не означает, что феномен «крестьянственности» уже не актуален для понимания настоящего и будущего России.

Об исключительной важности переосмысления места и роли крестьянства и «крестьянственности» в условиях текущей «модернизации» на-

стойчиво пытаются напомнить власти и обществу отрывающейся от своих корней «ново-российской» государственности ученые, специализирующи-

МАРЧЕНЯ Павел Петрович – кандидат исторических наук, доцент Московского университета МВД России; доцент Российского государственного гуманитарного университета; автор/соавтор и редактор научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации». *E-mail: marchenyap@mail.ru*

РАЗИН Сергей Юрьевич – доцент Института гуманитарного образования и информационных технологий; автор/соавтор и координатор научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации». *E-mail: razin_sergei@mail.ru*

Ключевые слова: крестьянство, народ, власть, крестьянский вопрос, смута, революция, расследование.

еся на изучении так называемого крестьянского вопроса – проблемы, на которую традиционно завязаны все основные конфликты русской истории и вне которой невозможно адекватное понимание наиболее острых тем нынешнего проективного россиеведения.

По злободневной оценке современного историка-крестьяноведа Д. И. Люкшина, «...то, что Россия – страна крестьянская, справедливо и по сей день. Без учета этого обстоятельства, как и без уяснения того, что „национальная история есть путь к национальному самосознанию“ (С. Ф. Платонов), которое собственно и выделяет народы культурные, невозможно ни понимание сути сегодняшних общественных процессов, ни развитие гуманитарного знания»¹.

А один из ведущих отечественных специалистов по аграрной истории В. В. Бабашкин, еще на рубеже XX–XXI вв. для обозначения типологических особенностей относительно быстро меняющегося общества постсоветской России вместо не вполне внятного понятия «посткоммунистическое» предложил ввести в научный оборот термин «посткрестьянское»², под которым следует понимать общество, «втянувшееся в процесс модернизации и поэтому постепенно переставшее быть крестьянским – значительно менее постепенно, чем проходили этот путь страны западноевропейской цивилизации, но значительно более постепенно, чем склонна трактовать официальная идеология этого общества»².

Одной из недавних попыток комплексно ответить на некоторые узловые вопросы крестьяноведения, имеющие междисциплинарное россиеведческое значение для представителей многих социогуманитарных дисциплин, стал Международный круглый

стол журнала «Власть», состоявшийся 12 ноября 2010 г. в Институте социологии РАН в рамках научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации»³ и получивший название «*Крестьянство и власть в истории России XX века*».

Предметом обсуждения на нем, в частности, являлись следующие вопросы:

1. «Крестьянский вопрос»: смысл и значение в истории России и человечества.

2. XX в. в истории России: «раскрестьянивание» или «окрестьянивание» страны.

3. «Великий незнакомец» и публичная политика в России: мифы и реальность.

4. Русское крестьянство: «могильщик» империи или ее цивилизационный фундамент?

5. «Аграрные реформы» и «русские крестьяне»: отечественная история и ее фальсификации.

Этот круглый стол стал вторым международным научным мероприятием проекта «Народ и власть...», продолжив развитие дискуссий, начатых 23 октября 2009 г. на круглом столе «*Народ и власть в российской смуте*»⁴.

Прошлой мероприятием было посвящено анализу проблем взаимодействия власти и народа в ситуациях социальных катаклизмов, революций и смут как периодически повторяющихся системных кризисов российского государства и общества и имело заметный резонанс в научном сообществе.

По итогам работы круглого стола, в котором участвовали более 30 ученых⁵, было принято решение о конкретизации и углублении этих исключительно дискуссионных проблем на следующем круглом столе⁶.

Новое мероприятие, в свою очередь, было решено посвятить анализу раз-

личных аспектов взаимодействия крестьянства и власти как наиболее значимых акторов исторического развития России в беспрецедентно богатом на общественные потрясения XX столетии. В таком контексте «крестьянский вопрос» рассматривался как ключевой для осмысления вопроса вопросов, в котором сплелись в Gordiev узел интересы самых разных массовых слоев российского общества, особенности их менталитета и предрасположенности к покорному смирению перед властью в известных пределах и активным протестным действиям в условиях «смутного времени», когда эти пределы оказываются нарушены.

Ведущим круглого стола выступил известный российско-белорусский крестьяновед, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историк и политолог О. Г. Буховец.

В дискуссиях приняли участие более четырех десятков ученых, представлявших научные журналы, научно-исследовательские организации и вузы трех государств – России, Беларуси и Украины.

Организаторы этого мероприятия, собравшие за одним круглым столом специалистов различных дисциплин (историков, политологов, социологов, философов, экономистов), исходили из того, что «крестьянский вопрос» недопустимо сводить только к «аграрному вопросу».

Крестьянский вопрос был и остается вопросом о цивилизационной идентичности России, о живой связи ее прошлого, настоящего и будущего. В нем аккумулированы и столкновение традиции и модерна, и столкновение империи и не-империи (либеральной «демократии»), и все системообразующие вопросы, на которых строится стратегическое планирование российского государства и общества. И от ответа на

вопрос «Какие они, русские крестьяне?» зависит ответ на вопрос «Что такое Россия?».

На наш взгляд, многие прозвучавшие в ходе дискуссий круглого стола компетентные мнения о причинах, итогах и перспективах трагических взаимоотношений власти и крестьянства досоветской, советской и постсоветской России могли бы помочь избежать при реализации в очередной раз провозглашенного курса на модернизацию страны повторения уже знакомых отечественной истории и оплаченных непомерно дорогой ценой ошибок.

Спектр высказанных на круглом столе оценок роли крестьянства в нашей истории оказался достаточно широк: от главного державного оплота «Российской славяно-православной цивилизации» (Н. В. Асонов) – до себялюбиво-анархического могильщика Российской империи (А. В. Чертищев). А по мнению В. П. Булдакова, вообще вся наша современность пронизана крестьянской ментальностью в ее колхозно-деформированном виде, и в условиях глобального превращения мира в «большую деревню» на фоне снижения общецивилизационных стереотипов до деревенского уровня миром будет управлять не мировой разум, а коммуникативная беспомощность людской массы, лишившейся естественной среды обитания. И нынешнее постмодернистское поветрие грозит возвратом в предмодернистское прошлое.

Авторами настоящей статьи (как и участниками и соорганизаторами названного мероприятия) предлагается и свой вариант краткой реплики в ответ на некоторые из поставленных вопросов.

Проблема модернизации в России исторически неразрывно была (и в известном смысле остается) увя-

зана с крестьянством. Государство Российскойское во все времена, по умолчанию, рассматривало собственное крестьянство как главный жертвенный ресурс, из которого можно черпать практически столько, сколько нужно для реализации властных представлений и амбиций. В таком контексте идеалом власти была освященная обычаем готовность жертвы к жертвованию (в критических ситуациях – к самопожертвованию), под которую подводилась соответствующая (своевременно подновляемая) идеологическая база.

Однако отсюда вовсе не следует, что взаимоотношения власти и крестьянства носили односторонний и однозначный характер. С одной стороны, российское крестьянство действительно являлось традиционной жертвой, залогом и заложником проводимых государственной властью модернизационных преобразований. Но с другой – крестьянство выступало влиятельнейшей (и количественно, и качественно) силой, формирующей облик и особенности «модернизации по-русски» и способной как воплотить в жизнь те или иные начинания *своей* власти, так и поставить крест на планах власти, которая оказалась расценена как *чужая* в системе архаических координат общинного сознания. И тогда уже власть сама оказывалась заложником (и нередко – жертвой) своего традиционного ресурса.

Теоретики и практики всевозможных элитарных модернизационных проектов в России неизменно упираются в проблему отсутствия реальной поддержки в массовом сознании россиян. Большинство российского населения не связывает своего будущего с декларативной «модернизацией» и принципиально отчуждено от всяческих «инноваций» со стороны политической власти.

Жизненные стратегии миллионов простых людей, составляющих реальную плоть России, чаще всего не имеют живой связи с далеко (от них) идущими планами реформаторов, которые оказываются чуждыми по отношению к социокультурным кодам собственного народа. Вне общей системы координат общества и власти всякое теоретически многообещающее масштабное начинание «просвещенных элит» во имя «светлого будущего» на практике оказывается очередным неудачным экспериментом над «темными массами», никак не желающими «оптимизировать» свою историческую деятельность в соответствии с «правильными» рецептами достижения намеченных для них (масс) целей.

Однако крестьянство не может быть понято только как пассивный объект манипуляций со стороны власти и «неосознательный» источник пополнения социальной базы различных «сознательных» политических сил. В социальных конфликтах в России крестьянская ментальность всегда играла колоссальную роль в отличие от крайне ограниченных возможностей элитарного воздействия на настроения и поведение крестьянских масс извне⁷. Крестьянство в отечественной истории определяло ее важнейшие характеристики в целом и оказывало влияние на элиты большее, чем элиты на крестьянство.

Как уже было подчеркнуто, «крестьянский вопрос» в России в критических ситуациях оборачивался вопросом о власти. Вопросом о власти как *власти «своей»*, за которой можно самоотреченно идти на подвиг и от которой многое можно самопожертвенно стерпеть, либо *власти «чужой»*, против которой нужно «всем миром» решительно браться за вилы и топоры до полного изгнания «временщиков» и «самозван-

цев». И вопрос этот в истории государства Российского в конечном счете всегда решался крестьянством.

В таком ключе «крестьянский вопрос» был и остается вопросом об органическом единстве власти и народа, государства и общества, цивилизации и культуры, способны стать надежной основой для очередного модернизационного рывка, либо о противоестественной расколотости и взаимном отчуждении элит и масс, чреватых срывом в очередную всероссийскую смуту.

Существует устойчивая традиция при анализе сущностных характеристик российского социума акцентировать наличие исторически присущих ему противоречий (бинарных оппозиций, ментальных антиномий...) – и как амбивалентно свойственных одному и тому же субъекту истории (народу/человеку...), и как результату глубокого раскола российского общества на объективно противостоящие друг другу лагеря.

В первом случае возникает психологический конфликт одновременно несовместимых оценок (например, таких прочно прописавшихся в литературе ярлыков, как «народ-богоносец» и «народ-зверь», «ангел» и «скотина», носитель «иконы» и «топора» («мессианства» и «комплекса неполноценности», «богоизбранничества» и «ущербности», «религиозности» и «безбожности», «святости» и «свинства», «этатизма» и «анархизма», «холопской» готовности к смирению и «казачьей» – к бунту...), фундамент «душевного здоровья нации» и поставщик «эпилептоидных психопатов», хранитель «Святой Руси» в вечности и источник «психопатологий» в «смутные времена» и т. д. и т. п.).

Во втором случае конфликт переводится в плоскость реально существующего социального антагонизма («вер-

хи – низы», «просвещенные – темные», «белые – красные», «баре – крестьяне» и прочие «чужие – свои»), взаимно нигилистичные по отношению к мировоззренческим императивам противоположного лагеря.

В развитие второго варианта модным трендом современного проективного россиеведения стала формула «*две России*», содержание которой представители различных направлений наполняют по-разному – в зависимости от решения вопроса о выборе собственной идентичности (цивилизационной, этнической, религиозной, идеологической, сословно-классовой, партийно-политической и т. д.).

Абстрагируясь от получивших широкую известность полусерьезных вариантов такого наполнения («Россия айфона» и «Россия шансона», «Россия Интернета» и «Россия телевизора», «Россия Хеннеси» и «Россия самогоннеси», «Москва» и «замкадья» и т. п.), уточним относительно устоявшееся в научном сообществе толкование.

Под «*первой Россией*» сегодня, как правило, подразумевается совокупность политических, информационных и бизнес-элит, находящихся преимущественно в двух столицах и региональных центрах и сконцентрировавших основные материальные блага и доступ к важнейшим ресурсам.

Под «*второй Россией*» имеется в виду российское население, отстраненное от контроля над распределением и перераспределением национальных и транснациональных ресурсов и существующих за счет сохранения и развития своих собственных (социальных, профессиональных, семейных) миров, относительно автономных от мировой властной бюрократии и крупного бизнеса.

В идеально-типическом смысле классическим выражением дуального

размежевания «двух России» на протяжении длительного исторического перехода (который преждевременно считать завершившимся) от общества традиционного к обществу модернизированному как раз и является социально-ценностная оппозиция власти и крестьянства. Ее непредвзятый анализ позволяет развенчать квазинаучный миф о «правовом нигилизме», якобы имманентном «русскому народу» и «русскому характеру»: придется признать, что **надо вести речь не о нигилистическом правосознании России, а о взаимном нигилистическом противостоянии «двух России».**

Ограниченные рамками статьи, приведем лишь один, но очень показательный и значимый для современной России пример.

В ходе русской смуты-революции 1917 г. (по оценкам множества специалистов, имеющей типологическое сходство с нынешней вялотекущей революцией-смутой), явное столкновение «двух России» (условно, «февралистов» и «октябристов») вылилось в очевидный отказ России от Февраля и победу Октября. И решающую роль в таком исходе сыграло именно крестьянство.

Основой политико-правовой культуры абсолютного большинства населения, несмотря на постфевральские «демократические» декорации, служили вековые традиции общинности с ее своеобразным авторитарным коллективизмом и резко отрицательным отношением к индивидуализму, категорическим неприятием идеи частной собственности на землю, отрицанием оторванного от жизненных реалий позитивного права (доходящим до полного к нему презрения в случае несоответствия текущего законодательства народным представлениям о Правде, несогласованности с традиционными

общинными ценностями, необеспеченности Идеей и эффективно работающим на нее репрессивно-властным механизмом).

В тех условиях политический режим, делегированный «первой Россией», не сумел согласовать политическое поведение с вырвавшейся на улицы стихией масс «второй» (крестьянской) России. Откладывая меры по решению неотложных проблем, занимавших центральное место в сознании большинства, либерально-демократические силы отдали инициативу большевикам, которые стремились еще более «раскачать» носителей бунтарских настроений. Ленинцы превратили сферу массового сознания в полигон для решающей схватки за власть, а массы – в орудие, способное взломать внешне легитимные структуры.

Либерально-демократические идеологемы в 1917 г. при сопоставлении с императивами массового/крестьянского сознания образовывали целую систему бинарных оппозиций по архаическому принципу распознавания: «чужой – свой» (правовое государство – правый государь, закон – обычай, Конституция – Царь, законопослушность – властобоязнь, демократия – авторитаризм, многопартийность – соборность, плюрализм – единство, личность – община, гражданское общество – служилое государство, собственность – антисобственность, буржуазность – антибуржуазность, буржуазный индивидуализм – авторитарный коллективизм, буржуазное равенство (как основа правового строя) – социальный иерархизм (как основа естественного порядка), накопительство – самовоспроизводство, социальная конкуренция – круговая порука, успешность – эгалитаризм, протестантская (накопительская) трудовая этика – православная (потребительская) трудовая этика,

рыночная экономика – моральная экономика, индустриальное общество – традиционное общество, договорный характер власти – патернализм, секулярность – религиозность и т. д. и т. п.).

Наличие столь явного антагонизма между «передовыми идеями» «первой России» и «отсталым, темным народом» «второй России», оказавшимся «недостаточно хорошим для этих идей», преступно игнорировалось «просвещенными» верхами на протяжении критически длительного времени, в конце концов закономерно закончившегося органическим отторжением псевдемократических элит, не способных или не желавших понимать свой народ. Движение демоса «второй России» фактически приняло откровенно «антидемократический» характер, продемонстрировав массовый отказ от поддержки официальных правящих структур «самозванцев-временщиков» и общесоциальный сдвиг страны от разочаровавшей ее «либеральной демократии» к традиционализму.

Введенные «первой Россией» «свободы», оказавшись в противоречии с представлениями «второй России» о «пра-

вильном порядке», не были подкреплены ни обращением к традиционным имперским символам, идеям и ценностям, ни развитой правовой системой, ни единством институтов власти, ни соответствующей деятельностью силовых структур – и были уничтожены стихией народного протеста, чьим выразителем стал на время большевизм.

Результаты оказались парадоксальными. Советская Россия стала страной победившей крестьянской утопии, которую возглавила антикрестьянская власть. Причем само крестьянство позже было принесено в жертву во многом именно во имя воплощения пресловутой крестьянской утопии.

Процесс явного «раскрестьянивания» так называемой «коммунистической» России имел неявную, изнаночную сторону: вся огромная, стремительно индустриализирующаяся за счет крестьянства страна одновременно «окрестьянивалась», превращаясь в одну гипертрофированную крестьянскую общину («коммуну»), все базовые идеологически «новые» ценности и нормы которой соотносились с устоями сельского «мира».

Можно с уверенностью констатировать, что многие социокультурные параметры, определяющие противостояние «двух России» в начале XXI в., сходны с аналогичными параметрами начала века прошлого. И в модернизационном проекте современной России исключительно важно исключить повторение пройденных ошибок – власть не должна в очередной раз наступить на уже хорошо известные «грабли» отечественной истории⁸.

Одним из распространенных «историографических» мифов, в который наша власть свято уверовала и который она при помощи «прозревших» историков и публицистов и подвизавшихся подле нее правозащитников усиленно пытается внедрить в массовое сознание, является представление о наличии «темных» сил, активно действующих в российской истории и постоянно направляющих страну по «ненормальному» пути развития. «Злыми демонами» советской, а заодно и постсоветской, сегодняшней России давно уже назначены вчерашние вожди. При таком подходе, являющемся оборотной стороной характерных для отечественной историографии и для массового сознания представлений о всеисильности власти, объективный анализ прошлого и настоящего не нужен. «Винные» и «жертвы» известны заранее. Такой подход понятен и объясним. Но совершен-

но неприемлем для страны, рассчитывающей на долгую историческую перспективу.

Между тем нынешней власти есть чему поучиться у вчерашних вождей (у своих предшественников). Исторический опыт подсказывает, что любой модернизационный проект в России может иметь шанс на успех только в том случае, когда между Властью и Народом существует механизм обратной связи, когда «верхи» улавливают импульсы, идущие «снизу», когда политическая элита обладает желанием слушать и умением слышать свой собственный народ. Только при соблюдении этого условия доносящийся сверху призыв «Россия, вперед!» может получить адекватный отклик снизу. Тогда противостояние «двух России», являющееся главной причиной циклических системных кризисов российского общества, имеет шанс обернуться диалектическим единством, подлинной, а не искусственно сконструированной сверху *Единой Россией*. Единство Власти и Народа – необходимое условие осмысленного исторического бытия России. Идея не новая. Но для страны, дважды в течение одного века пережившей крушение собственной государственности, крайне актуальная.

Примечания

- ¹ Люкшин Д. И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М.: АИРО-XXI, 2006. С. 133.
- ² Бабашкин В. В. О некоторых закономерностях эволюции власти в посткрестьянском обществе // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: МВШСЭН, 2000. С. 105–110, 107.
- ³ <http://www.google.com/profiles/narodivlast>
- ⁴ Булдаков В. П., Марченя П. П., Разин С. Ю. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте» // Власть. 2010. № 4. С. 14–17; № 5. С. 10–14; № 6. С. 13–17; № 7. С. 9–14; № 8. С. 9–13; № 9. С. 16–21.
- ⁵ Народ и власть в российской смуте – сб. науч. статей участников Междунар. круглого стола «Народ и власть в российской смуте». М.: Изд. ВВА им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, 2010; Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». Вып. 1 // <http://www.isras.ru/publ.html?id=1930>
- ⁶ Марченя П. П., Разин С. Ю. Крестьянство и власть в России // Социологические исследования (СоцИс). 2010. № 9. С. 140.
- ⁷ Буховец О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М.: Мосгорархив, 1996.
- ⁸ Марченя П. П., Разин С. Ю. Народ и власть в русской смуте: «вилы» и «грабли» отечественной истории // Обозреватель-Observer. 2010. № 7. С. 96–103.